

Профессоръ А. П. Лебедевъ.

(Окончаніе).

3. Лучшей стороной византійской жизни за 9—15 вѣкъ были заботы о духовномъ просвѣщеніи, въ которыхъ гармонично соединялись между собой государственная и церковная власть, цари, патріархи и епископы. Двѣ причины способствовали развитію духовнаго просвѣщенія въ Византіи, послѣ глубокаго паденія ея въ эпоху иконоборчества: это, во первыхъ, соперничество съ арабами, при династіи Абасидовъ стремившихся усвоить себѣ всю доступную имъ эллинскую науку, скоро достигшихъ на этомъ пути значительныхъ успѣховъ и оскорблявшихъ національную гордость византійцевъ, во вторыхъ меценатство константинопольскихъ монарховъ. Лучшие представители Македонской династіи и династій Дуковъ, Комниновъ и Палеологовъ, занимавшихъ византійскій тронъ съ 9 по 15 вѣкъ, свой прямой долгъ полагали въ покровительствѣ просвѣщенію, не щадили матеріальныхъ средствъ для постановки научнаго образованія на должную высоту, и сами нерѣдко принимали живое участіе въ просвѣтительномъ и научномъ движеніи своего времени. Уже въ половинѣ 9 вѣка Варда, дядя императора Михаила III, открылъ въ Константинополѣ высшую школу на подобіе университета, отдалъ подъ него свой магнавскій дворецъ. Щедро награждая трудъ профессоровъ, онъ объявилъ обученіе бесплатнымъ, самъ посѣщалъ лекціи и похвалами и наградами возбуждалъ научное соревнованіе молодежи. Македонская династія дала изъ своей среды рядъ ученыхъ. Уже Василиій Македонянинъ, основатель этой династіи, человѣкъ, лишенный образованія, умѣлъ цѣнить науку

и далъ прекрасное образованіе своимъ дѣтямъ. Его сынъ, Левъ, питомецъ Фотія, славился своими энциклопедическими познаніями въ области философскихъ, богословскихъ и естественныхъ наукъ и отличался такимъ пристрастіемъ къ древнимъ классикамъ, что его уравнивали съ Юліаномъ Отступникомъ. Константинъ Порфирогенетъ, сынъ и преемникъ Льва, и самъ былъ ученымъ и ревностно содѣйствовалъ духовному просвѣщенію. Его страсть къ наукѣ заходила такъ далеко, что безъ ученой бібліотеки онъ не считалъ возможнымъ обходиться даже въ военныхъ походахъ. Алексѣй I Комнинъ и вся его семья (жена Ирина и дочь Анна) извѣстны также замѣчательною любовью къ просвѣщенію и покровительствомъ ученымъ. Въ царствованіе Комниновъ встрѣчаемъ въ Византіи даже такое учрежденіе, которое можно назвать Академіей наукъ; эта коллегія или академія состояла изъ 12 ученыхъ, ближайшимъ своимъ назначеніемъ имѣвшихъ содѣйствіе успѣхамъ науки въ имперіи и чтеніе высшихъ научныхъ курсовъ. Въ спорныхъ ученыхъ вопросахъ, не исключая и богословскихъ, представители этой коллегіи подавали обыкновенно первый голосъ. Все это содѣйствовало развитію просвѣщенія въ Византіи и поднятію интереса къ наукѣ, выдвинуло на сцену рядъ ученыхъ людей, заявившихъ о себѣ литературною дѣятельностью, и даже создало особыя направленія въ богословіи и наукѣ.

Но эта наука, это просвѣщеніе носило на себѣ свой отличительный характеръ, запечатлѣно было тѣмъ особымъ духомъ, которому въ исторіи науки обычно приписываютъ имя средневѣковья. То, что прежде всего бросается въ глаза при чтеніи трудовъ, вышедшихъ изъ подъ пера ученыхъ изслѣдуемой эпохи, это сближеніе и даже смѣшеніе въ нихъ свѣтской науки и богословія. Быть образованнымъ на языкѣ византійцевъ (какъ и всего средневѣковья) и значило быть свѣдущимъ не только въ свѣтскихъ наукахъ, но и въ богословіи. Такое сближеніе не только требовалось самою жизнью, но и вызывалось необходимыми обстоятельствами. Во главѣ высшихъ школъ, программа которыхъ преимущественно слагалась изъ свѣтскихъ предметовъ, нерѣдко стояли духовные лица; съ другой стороны и свѣтскіе люди, обучавшіеся въ этихъ школахъ, какъ Игнатій, Фотій, Николай Мистикъ и др. часто занимали важнѣйшія церковныя должности, станови-

лись патріархами. Въ самомъ обществѣ элементы гражданскіе и церковные были тѣсно связаны между собою и это необходимо отражалось на научномъ просвѣщеніи, гдѣ высшимъ связующимъ звеномъ и являлось богословіе. Императоры писали проповѣди, но и философы, (какъ Михаилъ Пселлъ или Италъ) были eo ipso богословами. Константинъ Порфирогенетъ съ одинаковымъ рвеніемъ изучаетъ Илиаду съ Одиссеей и дѣянія Апостольскія и сказанія священной христіанской письменности. — Другая черта византійской образованности — это отсутствіе оригинальности. Византія жила наслѣдствомъ, завѣщаннымъ ей отъ древняго Рима и Греціи и блестящаго вѣка процвѣтанія богословія — вѣка Аванасія, Каппадокійцевъ и Златоуста. Сумма идей не расширялась въ такомъ, чисто консервативномъ обществѣ, какъ византійское. Духъ человѣческой какъ бы изнемогалъ подъ давленіемъ массы книгъ, погибалъ въ океанѣ библиотекъ; всѣ попеченія полагали только въ томъ, чтобы оставшееся отъ древности сохранить въ цѣлости въ нѣсколькихъ сотняхъ книгъ, и наполняли книжный рынокъ компиляціями. Образцомъ такой компиляціи можетъ служить извѣстная „Библиотека“ Фотія, разсматриваемая со своей литературной формы. Это обширное собраніе свѣдѣній, критическихъ замѣтокъ и извлеченій изъ различнаго рода сочиненій, прочитанныхъ Фотіемъ, число которыхъ достигаетъ до 280. Ни порядка, ни метода въ этомъ сочиненіи никакого не соблюдается. Писатели языческіе и христіанскіе, древніе и новые слѣдуютъ одинъ за другимъ въ той очереди, въ какой они попадались подъ руки библіографа. Піеса эротическая смѣняется трактатомъ философскимъ или богословскимъ, отъ историка авторъ переходитъ къ ритору. Извлеченія изъ древнихъ источниковъ (особенно потерянныхъ для науки), имѣющія высокую научную цѣнность, смѣняются разсказами суевѣрнаго и баснословнаго характера. Тотъ же типъ компилятивности носитъ на себѣ и знаменитое сочиненіе Константина Порфирогенита: „О церемоніяхъ Византійскаго двора“. — Наконецъ третья отличительная черта тогдашней образованности — это энциклопедичность каждаго изъ византійскихъ ученыхъ, и обусловливаемое ею смѣшеніе научнаго элемента съ ненаучнымъ. Константинъ Порфирогенетъ разомъ и филологъ, и историкъ, и археологъ и этнографъ. Таковъ же Фотій

и Михаилъ Пселлъ. Но ихъ энциклопедическія познанія далеко не всегда стоятъ на надлежащей научной высотѣ, и рядомъ съ изслѣдованіями, посвященными изученію высшихъ вопросовъ философіи и богословія, въ ихъ сочиненіяхъ встрѣчаются поражающія своей наивностью мысли. Въ „Земледѣльческой энциклопедіи“, изданной при Константинѣ Порфирогенетѣ, напр. спрашивается: „хотите-ли, чтобы у васъ не кисло вино? — напишите для этого на бочкахъ слова: „вкусите и видите, яко благъ Господь“. И даже Михаилъ Пселлъ въ одномъ сочиненіи говоритъ: „заячья кровь и гусиное сало имѣютъ таинственную силу, способствующую дѣторожденію, что хорошо знаютъ женщины, долго не имѣвшія дѣтей; а мозгъ лягушки развѣ не есть средство не имѣть дѣтей?“—Тѣмъ не менѣе было бы ошибкой на основаніи представленныхъ данныхъ думать, что умственная дѣятельность Византіи для своего времени была ничтожна. „Византія,—говоритъ Рамбо,—въ эту эпоху (X вѣка) болѣе, чѣмъ когда либо была центромъ литературы и цивилизаціи. Варвары Запада устремлялись въ Византію, какъ современники Суллы и Цицерона устремлялись въ Аѳины... Изъ Франціи и изъ Италіи молодежь шла въ Византію въ цѣляхъ образованія, и подданные калифа направляли свои взоры на Константинополь“...

Богословскіе и догматическіе споры, возникавшіе въ Византійскомъ обществѣ, носили на себѣ отраженіе того же постепенно мельчавшаго духа времени; они ни въ чемъ не напоминаютъ собой великихъ движеній 4 и половины 5 вѣка, касавшихся принципиальныхъ вопросовъ христіанской догматики, вращаясь не около центральныхъ вопросовъ христіанства, а скорѣе въ области богословской схоластики и вызывались не общими потребностями времени, а случайными причинами. Характерны уже самые вопросы, волновавшіе тогда богословскую мысль: кто есть приносяй и приѣмляй въ евхаристической жертвѣ? какъ нужно понимать изреченіе Христа: „Отецъ больше Меня“? что нужно думать о Богѣ Магометовомъ? подвергаются-ли тѣло и кровь Христова при приѣмѣ въ человѣческой организмъ естественному физическому тлѣнію или они пребываетъ нетлѣнными?

Наиболѣе любопытнымъ изъ этихъ споровъ и характернымъ для византійскихъ отношеній между государствомъ и

церковью даже въ области богословскихъ вопросовъ являются т. наз. споры о Магометовомъ Богѣ, падающіе уже на конецъ царствованія Мануила. Императору не понравилась и показалась подозрительной слѣдующая формула, которая находилась въ греческихъ требникахъ и которую должны были произносить обращаемые изъ магометанства къ христіанству: „анаѣема богу Магометову, о которомъ Магометъ говоритъ, что Онъ есть Богъ олосфирось, что Онъ не рождаетъ и не рожденъ и Ему никто не подобенъ“. Мануиль предложилъ уничтожить эту формулу въ требникахъ: во 1-хъ потому, что анаѣема на Магометова Бога въ существѣ дѣла есть анаѣема на Бога вообще, а во 2-хъ потому, что подобная формула могла служить соблазномъ для магометанъ, обращающихся въ христіанство. Для разсмотрѣнія дѣла императоръ назначилъ соборъ, на который собрались епископы, проживающіе въ Константинополѣ во главѣ съ патріархомъ Θεодосіемъ, и произнесъ краснорѣчивую рѣчь въ защиту своего требованія. На первый разъ его краснорѣчіе лилось понапрасну; ни патріархъ, ни епископы не хотѣли и слышать объ его предложеніи. Они объявили, что въ принятой формулѣ подвергается анаѣемѣ не Богъ вообще, Творецъ неба и земли, а измышленный бреднями Магомета Богъ—олосфирось, нерожденный и нераждающій, да и при томъ,—говорили они, мы не совсѣмъ хорошо понимаемъ слово *ὀλοσφύρος* ¹⁾. Императоръ остался при своемъ взглядѣ и рѣшился обратиться къ общественному мнѣнію: съ этою цѣлію онъ составляетъ краснорѣчивый и обстоятельный указъ, въ которомъ старался доказать, что прежніе цари и архіереи допустили существованіе указанной формулы о Богѣ Магометовомъ лишь по неосмотрительности и неразумію. Указъ публично былъ прочитанъ во дворцѣ въ присутствіи родственниковъ царя, вельможъ, сената и вообще образованнѣйшихъ лицъ столицы, и произвелъ прекраснѣйшее впечатлѣніе. Избранная аудиторія задрожала отъ грома аплодисментовъ. Теперь очередь стояла за духовенствомъ. Мануиль издаетъ второй указъ, въ которомъ снова настаиваетъ на своемъ мнѣніи и затѣмъ назначаетъ новый соборъ въ Ску-

¹⁾ То есть массивный, твердый, компактно весь сколоченный и должно повидимому указывать на вѣчность Божества.

тари, куда императоръ удалился по случаю болѣзни для пользованія чистымъ воздухомъ. Сюда были вызваны патриархъ и епископы, и мѣсто Мануила на соборѣ занялъ его секретарь. Императоръ послалъ собору двѣ грамоты: одну къ патриарху, въ которой онъ всячески укорялъ патриарха и архіереевъ за упорство и настойчивость, грозилъ даже собрать соборъ, на которомъ предсѣдательство долженъ былъ держать папа ¹⁾. Во второмъ письмѣ онъ излагалъ свое воззрѣніе на спорный вопросъ и требовалъ отъ собора подписи подъ нимъ. Но патриархъ и епископы и теперь не хотѣли раздѣлять царскаго мнѣнія. Особенно энергично выступилъ противъ царскихъ притязаній знаменитый Евстаѳій, митрополитъ ѳессалоникійскій, мужъ широкой учености, отличавшійся даромъ краснорѣчія. „Я счелъ бы себя вовсе лишившимся мозгу,—заявилъ онъ вслухъ всего собора,—и былъ бы недостоинъ этой архіерейской одежды, если бы призналъ истиннымъ какого-то Магометова Бога, руководителя и наставника на всѣ гнусныя дѣла“. Смѣлость по адресу царя, звучавшая въ словахъ Евстаѳія, повергла всѣхъ въ ужасъ; слушатели едва не оцѣпенѣли отъ дерзости епископа. Разгнѣванный императоръ, получившій немедленное извѣстіе о происшедшемъ на соборѣ, сейчасъ же готовъ былъ наложить на непокорнаго епископа кары, но уговоры патриарха и заявленная имъ отъ лица всего собора готовность исключить подозрительную формулу изъ требника, если только царь проститъ Евстаѳія, помирили Мануила и онъ отпустилъ епископовъ въ Константинополь. На другой день императорскій гонецъ явился къ патриарху и потребовалъ отъ него и всѣхъ епископовъ, составлявшихъ соборъ, немедленной подписки подъ царскимъ опредѣленіемъ. Къ удивленію императорскаго гонца епископы снова отказались исполнить требованіе императора; они начали критиковать опредѣленіе, нашли въ немъ неточности, стали требовать перемѣны въ изложеніи. Потерявшій терпѣніе Мануиль назвалъ ихъ „чистыми дураками“ и все-таки добился того, что епископы кое-какъ согласились уничтожить формулу, соблазнявшую императора, и замѣнить ее

¹⁾ Очевидно, для византійскихъ епископовъ папа служилъ чѣмъ то въ родѣ пугала.

новою, въ которой вмѣсто анаемы на Бога Магометова, провозглашалась анаема на самого Магомета, его учение и его приверженцевъ ¹⁾).

При всей обѣдности и схоластической безсодержательности вопросовъ, занимавшихъ собой богословскую мысль византійскихъ церковныхъ писателей, къ чести науки этого времени нужно сказать, что она далеко еще не теряла связи съ древне-греческою философіей, но соотношеніе руководящихъ авторитетовъ радикально измѣнилось. Аристотель,—это неисчерпаемый источникъ ересей для первыхъ четырехъ съ половиной вѣковъ,—сталъ теперь во главѣ церковнаго богословія. Отчетливость и ясность основныхъ тезисовъ, богатство логическихъ, аналитическихъ и силлогистическихъ формулъ—все это дѣлало философію Аристотеля наиболее пригодной для той эпохи, на долю которой выпало не вновь творить и создавать, а лишь раскрывать и уяснять готовый матеріалъ. Іоаннъ Дамаскинъ, пользовавшійся высокимъ вліяніемъ на умы того времени, въ своихъ сочиненіяхъ далъ наглядный образецъ примѣненія философіи Аристотеля къ богословскимъ вопросамъ, и составилъ учебникъ діалектики по Аристотелю, ставшей самой распространенной книгой въ иколахъ. Знаменитый Фотій былъ не только послѣдователь Аристотеля, но и врагъ Платона, прямо полемизирующий съ нимъ. Но и Платонъ не былъ совершенно забытъ платоники, правда, считались въ меньшинствѣ, но они вели энергичную борьбу съ аристотеликами, и эта борьба волновала умы, отражаясь на богословскихъ спорахъ. Пселъ по преимуществу проповѣдывалъ Платона, но и не забывалъ Аристотеля, написавъ комментарий на его категоріи ²⁾. Можно сказать, что имена Платона и Аристотеля не сходятъ съ языка ученыхъ византійцевъ, начиная съ 9 вѣка за все время существованія византійской имперіи, и ихъ взаимное соперничество ярко проявилось въ спорахъ между извѣстнымъ Гемистомъ Плитономъ и Геннадіемъ Схоларіемъ, разгравшихся чуть не наканунѣ паденія Константинополя. Плитонъ выступалъ жаркимъ поборникомъ Платона и противникомъ Аристотеля. Философію Аристотеля, господствующую

¹⁾ Т 6 стр. 125—141.

²⁾ Подробности, т. 6. Стр 174—183

въ церковномъ богословіи, онъ подвергъ жесточайшей критикѣ, показавъ полное несоотвѣтствіе ея основамъ христіанства, предъ Платономъ онъ благоговѣлъ. Это былъ человѣкъ, пропитанный лучшими идеями эллинизма, провозвѣстникъ начинавшейся уже на западѣ эпохи возрожденія и исповѣдовавшій религію будущаго—религію эллинизма¹⁾. Геннадій Схоларій, впослѣдствіи патріархъ константинопольскій, съ жаромъ напалъ на Плитона, защищая Аристотеля. Онъ находилъ, что Плитонъ за свои сочиненія заслуживалъ бы быть сожженнымъ и дѣйствительно сжегъ одно собственноручно написанное Плитономъ сочиненіе, когда оно попало въ его руки. Византійская церковь, видѣвшая въ борьбѣ Геннадія за Аристотеля защиту своихъ собственныхъ богословскихъ интересовъ, смотрѣла на него съ великимъ уваженіемъ; о немъ говорили, что онъ разоблачилъ новѣйшаго политеиста и сдѣлалъ его сочиненіе безоружнымъ²⁾.

И здѣсь, какъ и вездѣ, мы отмѣтимъ лишь небольшія штрихи и отдѣльные этюды изъ той массы историческихъ фактовъ, наблюденій и характеристикъ, какіе разсѣяны на пространствѣ двухъ томовъ, посвященныхъ исторіи византійской церкви, и византійскаго общества отъ 9 до 15 в. и обнимающихъ эти предметы со всѣхъ сторонъ, заслуживающихъ вниманіе науки. И тѣмъ не менѣе мы не можемъ воздержаться, чтобы не указать еще на нѣкоторые экскурсы А. П. Лебедева могущіе привлечь къ себѣ особый интересъ любознательнаго читателя. Таковъ напр. его небольшой отдѣлъ (7, 180—184), обсуждающій вопросъ о соединеніи архіерейства и монашества въ одномъ лицѣ на основаніи историческихъ фактовъ и соборныхъ опредѣленій. Богословская наука и вообще религіозно-нравственная жизнь Византіи раскрыта во всѣхъ ея частностяхъ, въ великихъ и малыхъ чертахъ. Авторъ видимо симпатизируетъ всякому научному начинанію, опредѣляетъ главныя направленія бого-

1) Любопытно, что еще въ вѣкъ Плитона хорошо помнили о взаимныхъ отношеніяхъ Платона и Аристотеля въ древнюю эпоху догматическихъ движеній. Плитонъ въ защиту Платона писалъ, что отцы церкви, сочувствовавшіе эллинской мудрости, становились, какъ напримѣръ, Кириллъ алекс. на сторону Платона, тогда какъ аріане утверждались на основаніи принциповъ Аристотеля.

2) Т. 7, стр. 379—384.

словской мысли съ 9 по 11 вв. (строго-ортодоксальное, консервативно-ритуальное, консервативно-спиритуальное и либерально-спиритуальное) отражавшія на себѣ умственные движенія эпохи ¹⁾ и дѣлаетъ оцѣнку даже по успѣхамъ въ области отдѣльныхъ наукъ, какъ экзегетика, догматико-полемическія сочиненія, исторія церкви ²⁾; значительную часть страницъ онъ удѣляетъ характеристикѣ партій, возникшихъ въ послѣднюю эпоху среди византійскаго духовенства: *политиковъ и зилотовъ*, ихъ политическихъ и религіозныхъ идеаловъ и взаимному отношенію ³⁾. Глава о религіозно-нравственномъ характерѣ ⁴⁾ Византійской имперіи принадлежитъ къ однимъ изъ самыхъ занимательныхъ и блестящихъ отдѣловъ разсматриваемой группы сочиненій А. П. Лебедева. Здѣсь предъ нами цѣлый калейдоскопъ лицъ и прежде всего изъ императорской фамиліи, то пытающихся подняться до высоты нравственнаго идеала, какъ Алексѣй и Іоаннъ Комнины, то ниспускающихся до глубины скотскихъ наслажденій разврата и опьяненія, какъ напр. Андроникъ Комнинъ, который, по замѣчанію его современниковъ, „любилъ выбирать для своихъ любовныхъ похожденій поэтическія природныя пещеры въ горахъ и прохладныя роши и водилъ съ собой своихъ любовницъ, какъ пѣтухъ куръ или какъ козелъ козъ на пастбища“...., нѣгу и роскошь любилъ подобно Сарданапалу. И византійское общество въ своемъ нравственномъ поведеніи воспроизводило черты своего придворнаго быта. Въ немъ, этомъ обществѣ, наблюдались и свѣтлыя стороны, какъ то: преданность православію, храненіе древнихъ обрядовъ, но темныя преобладали надъ свѣтлыми и сказывались въ недостаткахъ цѣломудрія, суевѣрій и волшебствахъ всякаго рода.—Естественнымъ заключеніемъ къ тремъ томамъ, посвященнымъ исторіи Византіи, является небольшой этюдъ его, заключающій въ себѣ краткій очеркъ исторіи паденія Константинополя въ 1453 г., гдѣ изобразивъ упадокъ всякаго патріотическаго чувства у позднѣйшихъ грековъ, нескончаемыя религіозныя и философскіе споры, полное исчез-

1) 6 т. стр. 214—239

2) 8 т. стр. 384—442

3) Тамъ же, стр. 296—341

4) Тамъ же стр. 45—105

новеніе общественнаго элемента, авторъ ставитъ вопросъ, но не о томъ, почему столица Византіи пала именно въ 1453 году, а о томъ, почему это событіе не ¹⁾ произошло ранѣе пятью или десятью годами.

Еще при самомъ началѣ своихъ занятій по исторіи Византіи А. П. Лебедевъ имѣлъ предъ собою уже довольно-обширную литературу, не только западную, но и русскую, достаточно уже потрудившуюся надъ разъясненіемъ отдѣльных сторонъ Византійской исторіи и заявившую о себѣ новыми и крупными результатами въ вопросахъ, дотолѣ представлявшихъ собой неизвѣданную область. Сочиненія Ѳ. И. Успенскаго, А. Л. Катанскаго, Скабаллановича, И. Е. Троицкаго, проф. Василевскаго находились на его столѣ, и ему приходилось т. о. работать на полѣ, уже достаточно вздобренномъ предшествующими изслѣдователями. Но эти счастливыя условія, окружавшія покойнаго ученаго и значительно облегчавшія ему предстоявшій трудъ, только содѣйствовали успѣху его новаго предпріятія и повышенію его научнаго достоинства. Обнять всю исторію Византіи отъ 9 до половины 15 вѣка, охватить все разнообразіе фактовъ, наполняющихъ ее и освѣтить всесторонне всю ту сложную совокупность явленій, въ которыхъ выразилась религіозно-политическая, церковная и духовная жизнь византійцевъ на пространствѣ четырехъ съ половиной вѣковъ, это едва ли посильно одному человѣку, хотя бы онъ обладалъ самымъ могучимъ талантомъ ученой настойчивости и неустаннаго рвенія въ разработкѣ сырого, никѣмъ не тронутаго матеріала. А. П. Лебедевъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не принадлежалъ къ числу людей, которыхъ устрашала бы перспектива взрывать новую почву, но разъ на лицо существовала цѣлая литература по изучаемому имъ вопросу, обязанность его, какъ всякаго другого ученаго, состояла въ томъ, чтобы принять во вниманіе всѣ болѣе и менѣе прочно установленные результаты, дать имъ научную оцѣнку и дополнить ихъ новыми данными. А. П. Лебедевъ и идетъ этимъ путемъ: достаточно просмотрѣть многочисленныя ссылки его на существовавшую литературу, чтобы видѣть какую помощь она оказала ему,—но это, конечно, не есть какая-нибудь исключительная особенность сочиненій А. П. Лебедева,

1) VII т. стр. 446—458.

а общее свойство всѣхъ ученыхъ трудовъ, опирающихся на предшествовавшія работы. Научное значеніе его трехтомнаго изслѣдованія о Византіи заключается въ томъ, что въ совершенствѣ усвоивъ себѣ все добытое въ предлежавшей ему ученой литературѣ, авторъ самъ дополнилъ его самостоятельными занятіями и въ то время, какъ каждое изъ предшествовавшихъ ему сочиненій затрогивало лишь какую нибудь отдѣльную сторону Византійской исторіи и иногда обсуждало его въ большей полнотѣ, онъ первый *далъ полную и законченную* исторію Византіи на протяженіи отъ 9 до половины 15 в. Эта исторія, конечно, носить на себѣ *церковно-историческій* характеръ, и если въ ней затрагиваются иногда политическія событія, но лишь постольку, поскольку они объясняютъ собой явленія церковной жизни. Но въ избранной сферѣ она предлагаетъ такое всестороннее и исчерпывающее обзорѣніе всѣхъ событій, обнимающихъ церковно-религіозную и духовную жизнь византійцевъ, какого до себя еще не было въ распоряженіи науки. Авторъ одинаково неподражаемъ какъ въ характеристикѣ общихъ направленій, двигавшихъ мыслию и жизнію византійцевъ, такъ и въ воспроизведеніи индивидуальностей въ ряду византійскихъ императоровъ и патріарховъ во всемъ разнообразіи ихъ историческаго проявленія. Какъ на образецъ заслуживающій вниманія, можно указать на галерею патріарховъ, выступающихъ изъ подъ пера А. П. Лебедева въ 6 т., послѣднемъ, томѣ его изслѣдованія о Византіи, (стр. 168—296). Не только общія, бросающіяся такъ сказать теченія, какъ отмѣченныя уже выше, богословская наука и вообще религіозно-нравственная жизнь Византіи, но и такія мелочи, имѣющія чисто-научный смыслъ, какъ вопросъ о извѣстномъ сочиненіи Филопатрисъ, приписываемомъ Лукіану, сатирику второго вѣка, и его непринадлежность ко временамъ патр. Никифора обслѣдована здѣсь со всей подробностью и съ привлеченіемъ всей относящейся сюда ученой литературы ¹⁾. Цѣльность и всесторонность нарисованной здѣсь картины Византійской жизни, взятой главнымъ образомъ съ ея церковно-религіозной стороны, изящный слогъ, прекрасное знаніе ученой литературы и источниковъ дѣлаютъ разсмотрѣн-

1) Т. 6, стр. 285—292.

ный рядъ трудовъ А. П. Лебедева дорогимъ подаркомъ для *русской* церковно-исторической науки въ ея отличіи отъ Западной.

Нѣсколько иное научное настроеніе носить на себѣ его двухъ-томное изслѣдованіе, обобщающее: „Исторію греко-восточной церкви отъ паденія Константинополя (въ 1453 г.) до настоящаго времени (Сергіевъ пос. 1896, 1—841 стр.)“. Здѣсь ему уже приходилось разрывать цѣплину, обрабатывать сырой матеріалъ, до котораго ученыя рука почти не прикасалась, съ большимъ трудомъ разыскивать источники, собирать нужныя книги, да и то, что добыто было имъ, далеко не всегда отличалось внѣшнею аккуратностью изданія и достовѣрностью сообщаемыхъ свѣдѣній и требовало чуть не на каждомъ шагу строгаго критическаго отношенія къ себѣ. Мало того: недостатокъ матеріала, заключавашагося въ этихъ несовершенныхъ пособіяхъ, заставлялъ автора нерѣдко обращаться къ случайнымъ замѣткамъ разныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ греческую церковь позднѣйшаго періода, а вслѣдствіе этого и нѣкоторыя страницы новаго изслѣдованія его получили не столько ученый, сколько полу-популярный, полу-фельетонный характеръ. Но эти немногія строки отнюдь не нарушаютъ собой общаго серьезнаго тона новаго труда А. П. Лебедева и вносятъ въ него лишь разнообразіе оттѣнковъ стиля, усиливая вниманіе и интересъ читателя. Изслѣдованіе открывается обсужденіемъ важнѣйшихъ вопросовъ, обусловившихъ самую судьбу греческой церкви подъ властью турокъ, — именно: разъясненіемъ отношенія оттоманской Порты къ греческой іерархіи и христіанскому народу, и того положенія, какое заняло греческая іерархія и руководимый ею народъ подъ властью новаго иновѣрнаго правительства. Наивному историческому воображенію, хорошо помнящему ужасы, пережитые находившимися подъ властью турокъ христіанами предъ русско-турецкой войной, легко можетъ представиться, что замѣна власти Византійскихъ императоровъ Оттоманской имперіей, совершившаяся въ 1453 г., сопровождалась подобными же издѣвательствами надъ православными греками. Исторія говоритъ, однако, о совершенно обратномъ. Султаны, исповѣдовавшіе магометанство, оказались несравненно толерантнѣе своихъ византійскихъ христіанскихъ предшественниковъ и награ-

дили греческую іерархію въ лицѣ ея главнаго представителя патріарха такой полнотою привилегій, какой онъ не обладалъ и при греческихъ императорахъ. Уже распоряженіемъ Магомета II всѣ духовные лица объявлены были свободными отъ податей, церковное управленіе признано неприкосновеннымъ, дозволено безпрепятственное и открытое исполненіе всѣхъ богослужебныхъ обрядовъ и праздниковъ. Патріаршая власть, начавшая концентрировать около себя всѣ церковныя силы еще при византійскихъ императорахъ, теперь поставлена была въ центрѣ не только церковнаго, но и гражданскаго управленія. Какъ всѣ митрополиты, архіепископы, епископы, игумены и священники въ каждомъ своемъ дѣйствіи, какую бы область оно ни затрогивало, подчинены были непосредственному контролю патріарха, такъ и все, касающееся гражданскаго управленія греческой націей на всемъ пространствѣ имперіи, отнесено было къ исключительной компетенціи патріаршей кафедрѣ и синода. Константинопольскій патріархъ, такимъ образомъ, сдѣлался какъ бы преемникомъ государственной власти византійскихъ императоровъ надъ греками, унаслѣдовалъ до нѣкоторой степени ихъ права, и старинные греческіе историки (XVI в.) нисколько не затруднялись прилагать къ нему титулы: „самодержецъ и царь“. Таже самая перемѣна произошла и въ положеніи епархіальныхъ архіереевъ, получившихъ „абсолютную“ церковную и гражданскую власть надъ своимъ клиромъ и паствою, обложившихъ ихъ податями и державшихъ въ крайне унижительномъ положеніи, напоминавшихъ состояніе нашихъ дореформенныхъ крестьянъ. Само собой понятно, что и греческое духовенство въ свою очередь платило новому правительству долей уваженія и угодливости. Оно восхваляло блаженные времена, наставшія съ утверженіемъ Оттоманскаго господства, и видѣло въ немъ дѣйствіе Божественнаго Провидѣнія. Свою признательность турецкому режиму оно доводило до того, что многіе архіереи и іерархія константинопольскаго патріархата вносили свои имена въ списки янычаръ и во всѣхъ военныхъ предиріятіяхъ султана, направлялись ли они противъ единовѣрныхъ грековъ Эллады, возставшихъ противъ турецкаго правительства, или противъ русскихъ (севастопольская война), возсылали молитвы о побѣдѣ его надъ врагами. Обрисованный въ этихъ

исключительныхъ чертахъ, наставшихъ со времени господства турокъ, образъ константинопольской патріархіи еще рельефнѣе выясняется въ дальнѣйшемъ изображеніи его интеллектуальной, нравственной и матеріальной стороны. Авторъ не хочетъ опустить изъ поля своего зрѣнія ничего, что заслуживаетъ хоть какого-нибудь вниманія исторіи. Во второмъ томѣ онъ ведетъ рѣчь о духовныхъ и общеобразовательныхъ школахъ въ константинопольскомъ патріархатѣ, предлагаетъ богатое содержаніемъ обзорнѣе отношеній греческой церкви къ католицизму и живымъ изложеніемъ фактовъ увлекаетъ читателя въ исторію сношеній греческой церкви съ протестантами въ XVI в. и протестантской смуты XVII вѣка во главѣ съ извѣстнымъ Кирилломъ Лукарисомъ. Онъ не забываетъ дать очеркъ религиозной жизни и нравовъ греко-восточныхъ христіанъ за изучаемый періодъ и заканчиваетъ свое изслѣдованіе краткими свѣдѣніями о состояніи александрійскаго, антioxійскаго и іерусалимскаго патріархатовъ. Являясь необходимымъ продолженіемъ его трехтомной исторіи Византіи, занимающейся той же греко-восточной церковью, оно впервые вноситъ свѣтъ въ темную и неизслѣдованную наукой область, подводитъ итоги всѣмъ неподвергавшимся еще научной критикѣ, часто смутнымъ свѣдѣніямъ, какія предлагаютъ немногочисленные источники и сравнительно скудная литература по позднѣйшей исторіи греко-восточной церкви и представляетъ собой единственный пока въ нашей литературѣ трудъ, во всей полнотѣ и яркой картинности воспроизводящій всѣ стороны религиозно-церковной жизни греко-восточной церкви отъ подпаденія подъ власть турокъ до времени составленія рассмотрѣннаго изслѣдованія ¹⁾.

Мы закончили свой,—сознаемся,—довольно продолжительный, но въ то же время по неизбѣжности блѣдный, далеко

1) Богатое подробностями и документальными данными изслѣдованіе проф. И. И. Соколова: „Константинопольская патріархія въ XIX вѣкѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія, т. I. СПб 1904“ оставалось недоступнымъ А. П. Лебедеву, уже печатавшему свое изслѣдованіе отдѣльными статьями въ Бог. Вѣстн. 1904 и 1905 г. Оно, конечно, вноситъ значительное дополненіе къ соответствующему пункту рецензируемаго сочиненія А. П. но все прочее содержаніе его оставляетъ неприкосновеннымъ

не исчерпывающій всего богатства содержанія, очеркъ учебныхъ работъ проф. А. П. Лебедева и, при критической оцѣнкѣ каждаго изъ нихъ показали ихъ сравнительное значеніе, какое онѣ имѣютъ въ ходѣ развитія церковно-исторической науки. Теперь остается подвести общіе результаты. — Когда А. П. Лебедевъ начиналъ свою профессорскую дѣятельность, внутри нашей Академіи уже существовала церковно-историческая наука; она насаждена была заботами Филарета Гумилевскаго и главнымъ образомъ А. В. Горскаго. Но воспитывалась въ тиши академическихъ стѣнъ, какъ нѣжный цвѣтокъ въ закрытой со всѣхъ сторонъ оранжереѣ, хотя и тамъ не вполне укрывалась стѣй взирающаго начальства, а на свѣтъ Божій и не смѣла показываться во всей яркости своихъ красокъ. Этотъ цвѣтокъ взлелѣянный руками Горскаго, А. П. первый вынесъ на свѣжій воздухъ и возрастилъ его въ многовѣтвистое растеніе, плодами котораго долго будутъ питаться послѣдующія поколѣнія. Онъ осуществилъ задачу огромной важности и ту пустоту, которая наблюдалась въ русской церковно-исторической литературѣ въ эпоху Николая I-го, наполнилъ собственными трудами. Каждая книга, вышедшая подъ его именемъ, каждое новое изслѣдованіе, опубликованное имъ, какъ мы видѣли, представляло собой крупное научное явленіе и отличалось новостью результатовъ, и если бы онъ ограничилъ кругъ своей ученой любознательности какой-нибудь одной эпохой церковной исторіи, то и тогда при бѣдности и научной незначительности нашей печатной литературы по церковной исторіи въ моментъ выступленія его на общественное поле дѣятельности ¹⁾, онъ стяжалъ бы незаурядную заслугу въ области развитія русской церковно-исторической науки. Но назойливая жажда познанія и литературная энергія, бывшая въ немъ непзсякаемымъ ключемъ, каждый разъ вновь влагала въ руки его перо, какъ только онъ оканчивалъ одно свое произведеніе. чтобы приняться за другое и въ своемъ рядѣ изслѣдованій, съ замѣчательною быстротою выходившихъ съ его письменнаго стола, *онъ оалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ*

1) Его „нѣсколько свѣдѣній, замѣчаній и наблюденій касательно хода развитія церковно-исторической науки у насъ въ Россіи (1-й т. е. его полнаго собранія сочиненій (стр. 490 сл.); о проф. Чельцовѣ и его „Исторіи христіанской церкви (т. I-й)“ см. тамъ же стр. 507 сл.

научный и всесторонний курсъ всей церковной исторіи, начиная съ первыхъ трехъ вѣковъ ея существованія и кончая новейшими судьбами греко-восточной церкви. Русская церковно-историческая наука вмѣстѣ съ нимъ зародилась и вмѣстѣ съ нимъ достигла зрѣлаго возраста, ставши культурно-исторической силой, привлекающей къ себѣ общественное вниманіе. Полнота и объективность являются неизмѣнными спутниками всѣхъ его работъ; свѣтъ и тѣни распределены въ нихъ равномѣрно, и если въ нѣкоторыхъ пунктахъ преобладаютъ темныя краски, то онѣ объясняются только стремленіе его къ исторической истинѣ; ни одна важная черта, ни одна характерная мелочь неопущена изъ вниманія и поставлена на своемъ мѣстѣ. Изящный литературный стиль, общедоступность изложенія, картинность воспроизведенія историческихъ событій—все это дѣлаетъ изслѣдованія А. П. Лебедева источникомъ умственного наслажденія не только для кабинетныхъ ученыхъ, но и для всей интеллигентной публики, интересующейся вопросами этого рода. *Популярность*—вотъ отличительная черта всѣхъ его ученыхъ работъ, къ которой онъ *сознательно* стремился ¹⁾ и которая на нѣкоторыхъ читателей особаго склада мыслей можетъ произвести, вопреки желанію автора, неблагопріятное впечатлѣніе. Съ понятіемъ учености у насъ часто соединяются странныя представленія: говорить не простымъ человѣческимъ языкомъ, а вѣщать, какъ древняя Пифія, наполнять рѣчь иностранщиной и глассололіей всякаго рода, пускаться въ узкую спеціальность—вотъ что нерѣдко разумѣется подъ именемъ учености, и чѣмъ туманнѣе фраза писателя и темнѣе и недоступнѣе для воспріятія его мысль, тѣмъ сильнѣе и авторитетнѣе дѣйствуетъ оно на умы нѣкоторыхъ наивныхъ читателей. Ничего подобнаго не встрѣчается въ сочиненіяхъ А. П. Лебедева. Поставивъ себѣ цѣлью дать въ живыхъ очеркахъ всю исторію вселенской и греко-восточной церкви, онъ естественно не могъ вдаваться въ скрупулезную спеціальность, но и не плавалъ по верхамъ церковно-историче-

¹⁾ Вотъ собственныя слова его изъ предисловія къ новому изданію своихъ сочиненій: „указанные восемь томовъ составились изъ моихъ академическихъ лекцій, но при печатаніи принаровленныхъ къ пониманію читателя, исправленныхъ дополненныхъ, и популярно изложенныхъ (Отъ автора, предисловіе къ 1-му тому)

ской жизни; онъ слѣдилъ главнымъ образомъ за общими теченіями церковной исторіи, лишь изрѣдка вдаваясь въ спеціальныя, но всегда краткіе экскуры. Полный хозяинъ церковно-исторической литературы и ея источниковъ, онъ вмѣстилъ въ свои сочиненія массу идей и фактовъ, сгруппированныхъ въ опредѣленные логическія комбинаціи. Ученый историкъ найдетъ въ нихъ рядъ движущихъ мотивовъ и ясно намѣченныхъ темъ для дальнѣйшихъ болѣе спеціальныхъ работъ въ тѣхъ же сферахъ историческаго познанія; культурный читатель почерпнетъ въ нихъ все необходимое для своего церковно-историческаго образованія. Въ этомъ заключается научное и историческое значеніе ученой дѣятельности А. П. Лебедева.

4) Назначая свои ученые труды не только для записныхъ спеціалистовъ, но и для всей широкой публики, способной интересоваться церковно-историческими вопросами, А. П. Лебедевъ въ тоже время занялъ въ нашей церковно-исторической литературѣ роль публициста по отношенію къ западной наукѣ и своей цѣлю поставилъ ознакомленіе русской публики со всякой ученой новинкой, появлявшейся на Западѣ и сколько-нибудь заслуживающей вниманія, и здѣсь, какъ и вездѣ онъ внесъ систему въ свое дѣло и оправдалъ его съ высшей, принципиальной точки зрѣнія. Насколько допустима вообще свобода изслѣдованія въ области церковно-историческаго познанія, и если она допустима, то какъ совмѣстить съ ней догматическія и конфессіональныя воззрѣнія той церкви, къ какой причисляетъ себя историкъ?— вотъ два вопроса, которые еще далеко не выяснены въ нашемъ научно-богословскомъ сознаніи и которые невольно навязались А. П. при его всегдашнемъ серіозномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ. И онъ рѣшаетъ ихъ съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія основъ православія и съ точки зрѣнія задачъ церковно-исторической науки. „Основы православія,—разсуждаетъ онъ,—такъ ясны, что погрѣшить противъ нихъ можно только сознательно, а не случайно, или вслѣдствіе небрежности и неосторожности. Есть, правда, такъ сказать, порубежныя области, лежація между православіемъ и протестантствомъ,—говоримъ о вопросахъ научныхъ—; въ этихъ областяхъ наука православная и протестантская работаютъ часто довольно сходно, такъ что для человѣка

съ узкими воззрѣніями можетъ представляться, что православный писатель отклоняется отъ началъ своей церкви, но подобное воззрѣніе складывается вслѣдствіе неяснаго представленія о томъ, что составляетъ сущность православія и что не составляетъ сущности его. Напр. критика церковныхъ преданій, критика дѣйствій историческихъ лицъ, высоко стоящихъ во мнѣніи церкви, критика сочиненій, уважаемыхъ въ православной практикѣ, но о происхожденіи которыхъ могутъ быть неодинаковыя сужденія (въ родѣ сочиненій, приписываемыхъ Діонисію Ареопагиту) — все это можетъ казаться для иного носящимъ протестантскую окраску, усвоеніемъ пріемовъ протестантской науки. Но въ сущности православіе, какъ таковое, ничуть не страдаетъ отъ того, высказывается-ли критика по указаннымъ вопросамъ такъ или иначе. *Оно не можетъ считать себя солидарнымъ со всеми преданіями, со всеми сужденіями, какія встрѣчаются въ церковной практикѣ о лицахъ историческихъ и со всеми сочиненіями, которыя часто безъ основанія приобрѣли въ сѣ мѣрѣ православномъ.* Православіе стоитъ выше фактической жизни церкви и потому ничего не теряетъ, если въ этой фактической сторонѣ церкви не все оставалось въ томъ видѣ, какъ это было раньше ¹⁾“. Имѣя въ своемъ распоряженіи область явленій, относящихся къ фактической т. е. подлежащей историческому закону измѣненія и развитія, а не трансцендентальной и неизмѣнной сторонѣ церковной жизни и пользуясь здѣсь полнымъ правомъ свободного изслѣдованія, церковный историкъ долженъ стоять и выше всякой конфессіональности, при чемъ эта высокая позиція его опредѣляется уже самыми задачами его науки. „Понятно,—заявляетъ А. П. Лебедевъ,—когда говорятъ, что *догматика* русская должна быть православна, догматика протестантская протестантска и т. д.—потому что догматика есть наука сепаративная, стремящаяся отдѣлать себя непроходимой пропастью отъ всякой другой догматики. Церковная же исторія, разсматривающая всѣ христіанскія церкви и всѣ христіанскія общины, какъ единую семью, какъ единый народъ Божій, не можетъ и не должна служить никакимъ сепаративнымъ интересамъ, и не ея дѣло христіанскіе на-

1) См 1-й т его полного собранія сочиненій, стр. 536. 537

роды, подлежащія ея изученію, дѣлать на овецъ и козлищъ. Конфессіонализмъ съ церковной исторіи привелъ бы лишь къ тому, что каждый историкъ считалъ бы себя правымъ не только догматически, но и исторически, и исторія стала бы ареной такихъ же полемическихъ споровъ, какія наблюдаются и въ области догматической. Съ исторической точки зрѣнія отдѣльныя церкви суть явленія, возникшія и развившіяся путемъ историческимъ, помимо ихъ воли, вслѣдствіе непреложныхъ законовъ своего развитія, а потому и отъ историка требуютъ дружелюбія и братолюбія. Церковно-историческая наука стоитъ за истину историческую, а не за истину вѣроисповѣдную ¹⁾.

Поднявъ столь высоко знамя церковно-исторической науки, какъ свободной изслѣдовательницы исторической истины, независимой отъ догматическихъ и конфессіональных предположеній, А. П. Лебедевъ, естественно не видѣлъ ничего позорнаго, ничего противнаго православію, въ томъ явленіи, если русскіе ученые широко пользуются результатомъ западной науки, и энергично возставалъ противъ всякихъ укоризнъ, направленныхъ по адресу ихъ и обвинявшихъ въ протестантизмѣ. Онъ не скрывалъ карты въ рукахъ и признавалъ „значительную зависимость“ русской церковно-исторической науки отъ протестантской, но онъ не только не видѣлъ въ этомъ какой-либо бѣды, но и горячо призывалъ къ болѣе всестороннему и широкому пользованію ею. „Русская церковно-историческая наука,—замѣчаетъ онъ—ясно представляетъ себѣ то, что составляетъ идеаль православія, и въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ бы ихъ могли сбить съ толку нѣмецкіе авторитеты, выражаетъ значительную долю самостоятельности. Доселѣшнее положеніе нашей науки показываетъ, что кромѣ пользы ничего не можетъ привести намъ серіозное знакомство съ нѣмецкой церковно-исторической литературой“,—и онъ не только открыто призывалъ русскую богословскую среду „съ большимъ вниманіемъ слѣдить за развитіемъ науки въ Германіи, знакомить съ ея лучшими произведеніями публику въ своихъ журналахъ,

¹⁾ См. „Взглядъ на исторію развитія у церковно-исторической науки у насъ“—Богъ Вѣсти

переводить то, что заслуживаетъ въ ней вниманія ¹⁾“, но прежде всего самъ осуществилъ эту задачу на дѣлѣ.

— Научная публицистика составляла живую струю его литературной производительности и вызывалась тѣмъ неустаннымъ интересомъ, съ которымъ онъ самъ слѣдилъ за западной литературой. Въ общемъ планѣ его ученыхъ предпріятій она служила главной поставленной имъ цѣли подвѣять интересъ въ русскомъ обществѣ къ церковно-историческому познанію и познакомить его какъ съ новыми результатами ея, такъ и съ методами изслѣдованія,—и въ теченіи по меньшей мѣрѣ полуторадесятка годовъ своей службы въ Академіи онъ являлся какъ бы эхомъ, откликавшемся на всѣ проявленія церковно-исторической науки на Западѣ. Ни одно открытіе, вносящее новыя данныя въ ту или другую область церковной исторіи, ни одна научная работа, отличающаяся какимъ-либо новымъ взглядомъ по изучаемому ея вопросу, не проходила безъ соотвѣтствующаго отклика съ его стороны. „*Canonnes ecclesiastici*“,—это небольшой источникъ, но богатый оригинальными извѣстіями по исторіи древняго церковнаго управленія,—„Никейскій соборъ въ коптскомъ текстѣ“,—„Сирскій текстъ собора разбойничьяго 449 года“ и его подлинность, „Коптскіе и арабскіе источники по исторіи древней, преимущественно египетской церкви (памятники коптской письменности, изданные Амелико), все это было своевременно зарегистрировано имъ въ русской литературѣ съ надлежащими критическими замѣчаніями. Въ прибавленіяхъ къ твореніямъ св отцовъ,—журналѣ, издававшимся тогда Московской академіей,—онъ помѣстилъ цѣлый рядъ интересныхъ статей о всякой ученой новости, появлявшейся въ западной церковно-исторической литературѣ, и мы лично помнимъ, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали выхода этихъ книжекъ на семинарской и студенческой скамьѣ и съ какой полнотой научнаго удовольствія прочитывали ихъ. Отмѣчая крупныя научныя явленія въ отдѣльныхъ статьяхъ, какъ напр. *Lehrbuch d. Dogmengeschichte* (учебникъ по исторіи догматики) А. Гарнака, онъ не брезговалъ ни малѣйшей новинкой, разъ она привлекала къ себѣ какой-нибудь интересъ, и самъ переводилъ или свободно из-

¹⁾ См 1-й т стр 537 538

лагаль нѣмецкія брошюры, затрогивающія тотъ или иной занимательный вопросъ ¹⁾. Конечно, къ послѣдняго рода работамъ А. П. Лебедева строго научная точка зрѣнія не приложима, но было бы неосновательно и называть это диллетанствомъ въ наукѣ. Въ своихъ библиографическихъ очеркахъ, помѣщавшихся въ прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ, онъ никогда не довольствовался простымъ изложеніемъ лишь содержанія прочитанныхъ книгъ и статей, но сопровождалъ ихъ серіозной ученой критикой и щедро дѣлился съ читателями богатымъ запасомъ своихъ собственныхъ познаній. Собранныя въ одно изданіе, эти рецензій всѣхъ болѣе или менѣе цѣнныхъ книгъ, статей и открытій, могли бы составить собой довольно подробную лѣтопись развитія церковно исторической науки на западѣ, и нужно выразить только сожалѣніе, что въ этой области литературной дѣятельности А. П. и доселѣ не нашелъ столь авторитетнаго и плодovitаго преемника ²⁾.

5) Совокупность отмѣченныхъ ученыхъ качествъ, прекрасное знаніе своей науки, умѣніе изложить свои свѣдѣнія въ ясной и всѣмъ доступной формѣ—все это сдѣлало А. П. Лебедева однимъ изъ самыхъ популярныхъ и авторитетныхъ профессоровъ Московской духовной академіи. Въ теченіи

1) Перечень подобныхъ статей см. указатель Н. Н. Корсунскаго: „Двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности А. П. Лебедева. Бог. Вѣстн 1895 г № 11.

2) Насколько мѣткою и опытенъ былъ А. П. въ своей ученой публицистикѣ, настолько мало удавалась ему *общественная* публицистика. Мы разумѣемъ рядъ послѣднихъ статей его, вызванныхъ злобой дня. а) Взглядъ графа Л. Н. Толстого на историческую жизнь церкви Божіей по поводу его книги разрушеніе ада и возстановленіе его (Изъ унверситетскихъ лекцій. Бог. Вѣстн. 1903, III, 11; 1904, I, 1, 42—74); б) Объ участіи мірянъ въ церковномъ управленіи (Москва 1906); в) Въ защиту Филарета, Митрополита Московскаго отъ нападокъ С. М. Соловьева (Москва 1907); г) Зачѣмъ бы намъ нуженъ патріархъ (Бог. Вѣстн, Янв. 1907) Отъ профессора, сѣжавшаго себѣ имя либерала, публика могла бы ждать болѣе свѣжихъ и широкихъ обобщеній. Но его статья „объ участіи мірянъ на соборахъ“ кончается слишкомъ консервативнымъ выводомъ, и цѣль, ради которой онъ желалъ бы видѣть въ Россіи патріарха, поражаетъ своей неожиданностью. За то его брошюра: „Слѣпые вожди (Москва, 1907)“,—этотъ вопль сердца, измученнаго испорченностью и полнымъ несоотвѣтствіемъ нашего высшаго духовенства идеалу служителей Христовыхъ и пастырей церкви,—безподобна и составляетъ какъ бы посмертный завѣтъ его русской церкви.

25-лѣтняго служенія его на профессорскомъ посту, его имя всегда являлось маякомъ, отовсюду привлекавшимъ къ его кафедрѣ молодое юношество, и магнитомъ, притягивавшимъ лучшія силы. И это вовсе объясняется не тѣмъ, какъ, по видимому, нѣкоторые думаютъ, чтобы въ его лекціяхъ „серіозное перемѣшивалось съ смѣшнымъ и трагическое съ комическимъ“¹⁾; ничего фельетоннаго и комедійнаго онъ не допускалъ ни въ чтеніяхъ, ни въ своихъ отношеніяхъ со студентами: объ этомъ свидѣлствуютъ уже его ученые труды, представляющіе собой лишь переработку его академическихъ чтеній и серіозный составъ слушателей, которыхъ привлекало къ нему ужъ конечно что-нибудь другое. Правда, онъ пользовался каждымъ удобнымъ поводомъ, чтобы отпустить острогу сравнивая древнія событія съ ново современными, чаще всего очень тяжеловѣсную, или рассказать какой-нибудь занимательный анекдотъ, но въ первомъ случаѣ онъ хотѣлъ лишь придать современность своимъ лекціямъ, а во-второмъ лишь повторялъ источники²⁾. Привлекательность его лекцій и популярность его (среди студентовъ) основалась совсѣмъ на этой случайной особености его лекцій, а на томъ богатствѣ познанія, какимъ обладалъ покойный профессоръ и тѣмъ научнымъ авторитетомъ, какой безспорно и всѣми признавался за нимъ. На свою профессорскую кафедру онъ смотрѣлъ, не какъ на сред-

1) Бог. Вѣст. 1908. Июль-Августъ, стр. 589

Приведенная здѣсь авторомъ настоящей статьи фраза принадлежитъ мнѣ, и такъ какъ значеніе ея здѣсь нѣсколько перетолковано, то это заставляетъ меня возстановить ея подлинный смыслъ. Фраза эта отнюдь не должна быть распространяема на всѣ лекціи А. П. и не можетъ разсматриваться, въ качествѣ ихъ общей характеристики, какъ, повидимому, повялъ ее авторъ. Она непосредственно и прямо относится лишь къ тѣмъ печатнымъ лекціямъ А. П., которыя мною здѣсь же опредѣленно и указаны („Къ моей учено-литературной автобіографіи“ Бог. Вѣст 1907 г. Июнь) Да и приведена эта, инкриминируемая здѣсь, фраза вовсе не съ цѣлью очернить память покойнаго А. П. или вообще набросить на него какую-либо неблагоприятную тѣнь: а съ совершенно противоположнымъ намѣреніемъ—подчеркнуть и иллюстрировать одно изъ достоинствъ лекцій А. П.—его талантъ излагать серьезную науку въ живой и интересной формѣ Относительную-же справедливость моей замѣтки подтверждаетъ и самъ авторъ этой статьи, см. 466, 476

Проф. А. Покровский.

2) Блестящіе образцы этого можно находить въ его „Исторіи Византійской церкви отъ IX—XV в.

ство къ жизни или чиновнической долгъ: онъ видѣлъ въ ней алтарь, на которомъ онъ приносилъ жертвы Богу истины, самъ любилъ и увлекался своей наукой, и эту любовь и увлеченіе невольно передавалъ своимъ слушателямъ. По богатству содержанія, по оригинальности взглядовъ, по научной постановкѣ вопросовъ, его лекціи были новымъ и поражающимъ собой откровеніемъ для семинаристовъ, ознакомившихся съ церковной исторіей только по бѣдному и безжизненному семинарскому учебнику, будили въ нихъ живыя мысли, само собой зарождали въ нихъ интересъ къ церковно-историческому познанію и вызывали иногда у нихъ продолжительные споры по поводу новыхъ идей, намѣченныхъ въ лекціяхъ, что мы можемъ подтвердить своими собственными воспоминаніями. Въ своихъ лекціяхъ онъ не поднимался ни въ заоблачныя высоты философіи и не спускался въ глубины мистицизма: онъ предлагалъ лишь реальные факты,—историческую истину,—въ ея чистомъ видѣ, внѣ всякихъ прикрасъ и постороннихъ (наслоеній, и этимъ воспитывалъ серіозное и сознательное отношеніе къ наукѣ. Каждый крупный фактъ исторической жизни церкви онъ разсматривалъ въ его цѣлостности и во всѣхъ подробностяхъ, но не разбивался на эти частности и детальности и умѣлъ всегда подвести ихъ подъ одну общую, все объединяющую точку зрѣнія, а это свойство его лекцій не только оставляло по себѣ цѣльность впечатлѣнія въ умѣ слушателей, но и приучала ихъ къ критическому методу при изслѣдованіи источниковъ и умѣнію совладать съ ихъ разнообразнымъ матеріаломъ. Онъ никогда не гонялся за мелочами, не вдавался въ скрупулезную детальность: онъ знакомилъ студентовъ съ общими теченіями церковно-исторической жизни, и этимъ возводилъ ихъ на ту широту научнаго взгляда, которая и должна являться необходимымъ качествомъ всякаго стремящагося стоять на уровнѣ науки историческаго труда. Но личныя знанія его, сохранявшіяся въ его собственной головѣ, были необъятны, и по каждому спеціальному вопросу въ области церковной исторіи онъ всегда могъ высказать свой оригинальный взглядъ, и эта именно полнота и всесторонность знанія обезпечила ему тотъ научный авторитетъ, какимъ онъ пользовался какъ среди студентовъ, такъ и между своими сослуживцами. Въ послѣд-

нѣ годы своего пребыванія въ Академіи онъ не только служилъ справочной книгой, по которой всегда можно ознакомиться съ источниками и пособиями по любому церковно-историческому вопросу, но являлся и *ученой совестью* Академіи, съ критеріемъ которой считали нужнымъ справляться всѣ, выступающіе съ какимъ-нибудь новымъ ученымъ предпріятіемъ, близкимъ къ церковно-исторической области познанія, и его сужденіе часто имѣло рѣшающее значеніе.

За все время своей профессорской дѣятельности и до конца жизни не только среди студенчества, но и въ широкихъ общественныхъ кружкахъ А. П. считался профессоромъ—*либераломъ*. Безспорно, „въ его писательской манерѣ не рѣдко слышались тоны вызывательства, и его рѣчь всегда проникнутая особымъ юморомъ, не чуждалась острыхъ выраженій и колющихъ намековъ ¹⁾“, но эта была лишь чисто внѣшняя и случайная особенность его литературнаго стиля. Его либерализмъ былъ другого, высшаго сорта. Онъ всегда любилъ называть вещи своими именами. Отмѣчая свѣтлыя явленія прошлой церковной жизни, онъ съ такою же внимательностью изучалъ и темныя черты древне-христіанскаго быта, и, какъ опытный врачъ, ставилъ имъ точный діагнозъ въ надеждѣ указать путь для устраненія ихъ. Въ его лекціяхъ и ученыхъ трудахъ церковная исторія впервые восстановлена въ своемъ естественномъ, натуральномъ видѣ и, такъ какъ въ обычномъ теченіи человѣческой жизни пороки и заблужденіе распространены несравненно шире и обильнѣе, чѣмъ святость и добродѣтель, то понятно, что и въ прошлой исторіи церкви, какъ она изображена у А. П. Лебедева, далеко не все оказалось такъ чисто и ясно, какъ это представлялось ранѣе. Діагнозъ болѣзненныхъ явленій древне-церковной и византійско-восточной церкви, устанавливаемый имъ, часто сталкивающийся съ господствующими предубѣжденіями и прочно укрѣпившимися взглядами и разрушавшій ихъ, и создалъ ему имя либерала. Очевидно, однако, что либерализмъ такого рода составляетъ собой необходимое качество всякаго безпристрастнаго изслѣдованія. Онъ присущъ каждой наукѣ, и въ особенности дисципли-

1) Проф. Н. Н. Глубоковскій. Памяти покойнаго проф. А. П. Лебедева. СПб. 1908, стр. 13.

намъ, изучающимъ человѣческую жизнь,—и онъ, дѣйстви-тельно, звучнымъ мотивомъ проходилъ по всѣмъ лекціямъ покойнаго, составлялъ главную притягательную силу ихъ и красной нитью блеститъ во всѣхъ изданныхъ имъ ученыхъ трудахъ.

Самъ отдавая всѣ свои силы на служеніе церковно-исто-рической наукѣ, А. П. Лебедевъ счумѣлъ вдохнуть науч-ную энергію и въ своихъ слушателей, и потому годы его профессорства въ Академіи ознаменовались небывалымъ до-толѣ подъемомъ церковно-историческаго познанія внутри Академіи и поставлены были на такой высокой уровень, отно-сительно котораго можно только пожелать, чтобы онъ не понижался ни на одинъ миллиметръ. Этотъ достигнутый имъ успѣхъ объясняется не только научной постановкой его лек-цій и новизной излагаемыхъ въ нихъ идей, невольно вызы-вавшихъ у слушателей интересъ къ изучаемой имъ наукѣ, но и тѣмъ серьезнымъ вниманіемъ, съ какимъ онъ относился къ студенческимъ работамъ. Онъ не жалѣлъ ни времени, ни силъ для разсмотрѣнія семестровыхъ сочиненій, не допу-скалъ въ этой области никакого торгашества, и ежегодно давалъ самыя разнообразныя темы, обычно для студентовъ 2 го курса, которому онъ читалъ свои лекціи. Зная тѣ стр-гія требованія, какія онъ предъявлялъ къ сочиненіямъ, сту-денты съ особеннымъ стараніемъ относились къ научной и литературной обработкѣ ихъ, тратили на нихъ большую часть своихъ силъ (хотя сочиненія тогда представлялись всегда къ опредѣленному сроку) и съ нетерпѣніемъ ждали окончательнаго результата, всегда имѣвшаго въ ихъ гла-захъ высокую цѣнность. Всякую живую мысль онъ поощрялъ и противъ всякой шаблонности и компилятивности энер-гично возставалъ, и въ своихъ примѣчаніяхъ, испещряв-шихъ поля сочиненія, онъ или иронизировалъ надъ неудав-шимися quasi—учеными попытками неопытнаго писателя, или кратко указывалъ нужный исходъ изъ непреобѣжденныхъ затрудненій. На хорошіе баллы былъ онъ скупъ, но и недо-влетворительныхъ избѣгалъ, и свое авторитетное сужденіе о достоинствахъ прочитанныхъ имъ студенческихъ работъ открыто высказалъ въ день своего 25-лѣтняго юбилея въ привѣтствіи къ студентамъ: „многіе изъ вашихъ работъ (не только кандидатскихъ, но и семестровыхъ)—заявилъ онъ,—

будили мою мысль, наталкивали меня на новые пути, носили чисто научный характеръ и смѣло могли бы появиться въ печати ¹⁾“.—Серьезное отношеніе къ сочиненіямъ по церковной исторіи, ставшее обычнымъ у студентовъ, естественно подготовляло ихъ къ болѣе широкимъ и научнымъ занятіямъ въ области той же науки. Недостатка въ желающихъ писать кандидатскія сочиненія и работать подъ руководствомъ его у А. П. Лебедева никогда не бывало,—и это тѣмъ замѣчательнѣе, что церковная исторія вовсе не такая наука, гдѣ легко пожинались бы ученые плоды; въ большинствѣ тѣмъ она требуетъ необходимаго знакомства съ греческимъ или латинскимъ языкомъ и знанія по крайней мѣрѣ одного новаго языка, да и А. П. Лебедевъ не принадлежалъ къ числу профессоровъ, желающихъ привлечь къ себѣ студентовъ какой-либо внѣшней приманкой. „Въ обычное время,—вспоминаетъ о немъ А. И. Покровский,—при своихъ бесѣдахъ съ студентами А. П. подавлялъ насъ своею ученостью и, какъ бы нѣсколько свысока, третировалъ наши студенческія познанія и занятія по его специальности. Признаться, мы стѣснялись ходить къ нему, побаивались его остраго язычка и были убѣждены, что А. П. очень невысокаго мнѣнія о научной правоспособности студентовъ ²⁾“.—Въ общемъ это наблюденіе вѣрно, и мы по собственному опыту знаемъ, что, намѣреваясь съ нимъ о чемъ-либо поговорить, надлежало предварительно подумать... И при всемъ томъ, ему писали кандидатскія сочиненія не одни выдающіеся своими познаніями студенты, но и люди обычнаго умственнаго уровня. Въ этомъ сказывалась притягательная сила уже не личности профессора, а науки, преподаваемой имъ,—точнѣе сказать: той новой и завлекавшей молодая силы постановки ея, какую онъ придавалъ ей. Значительное большинство кандидатскихъ сочиненій, представлявшихся А. П., перерабатывались въ магистерскія диссертациі; на это уже вліяли самыя темы кандидатскихъ сочиненій, предлагаемыя А. П. и предоставлявшія всегда значительную свободу для собственныхъ самостоятельныхъ изысканій, и естественно, что

¹⁾ Бог. Вѣстн 1908, Іюль-Августъ, стр 591-ая *Проф А. Покровский* „Алексій Петровичъ Лебедевъ.“ (Некрологъ)

²⁾ Цит. статья, стр 590. Постѣднее, къ счастью студентовъ, оказалось не совсѣмъ точнымъ.

кандидатъ, получившій болѣе или менѣе лестный отзывъ отъ своего руководителя, разгарался желаніемъ пробраться въ магистры. Но это далеко не всегда было такъ; нерѣдко ему самому приходилось побуждать неувѣреннаго кандидата къ дальнѣйшему усовершенствованію своего дѣла, преобѣждать сомнѣнія, самому разъяснять непреодолимыя трудности и путемъ долгихъ убѣжденій и „потуговъ“ привести къ желательному концу. Въ случаѣ болѣе близкихъ отношеній онъ всегда самъ интересовался ходомъ работы, слѣдилъ за постепеннымъ развитіемъ ея и дѣлалъ все, что нужно для того, чтобы ободрить, поднять упдающій духъ и поставить изслѣдованія на надлежащую научную почву. И эти старанія увѣнчались блестящимъ результатомъ. Подводя итоги своей профессорской дѣятельности за 25-лѣтія, онъ самъ заявляетъ: „частію единолично, а частію въ компаніи съ кѣмъ-либо мною создано въ Академіи семь докторовъ богословія, церковной исторіи и каноническаго права..., подъ моимъ руководствомъ или при моемъ прямомъ содѣйствіи приобрѣли степень магистра не менѣе 13—молодыхъ людей ¹⁾“... Для 25-лѣтъ службы это болѣе *слишкомъ*, чѣмъ довольно.

Тѣмъ не менѣе этотъ блестящій результатъ, по словамъ самого же А. П., иногда покупался для него „съ значительными огорченіями“. Еще въ слишкомъ близкіе и знакомые годы въ ученыхъ степеняхъ магистра и доктора утверждалъ Св. Синодъ, но, предварительно утвержденія, сочиненіе, просмотрѣнное уже двумя академическими рецензентами, изъ которыхъ одинъ назначался Ректоромъ Академіи съ спеціальной цѣлью провѣрить такъ наз. направленіе, Синодъ отдавалъ какому-нибудь епархіальному архіерею или своему члену на просмотръ, единственная задача котораго состояла, конечно, не въ оцѣнкѣ его научныхъ достоинствъ, для каковой требовалась масса спеціальныхъ познаній, но лишь въ рѣшеніи того вопроса, насколько оно не только по своимъ главнымъ идеямъ, но и частнымъ мыслямъ и выраженіямъ соотвѣтствуетъ господствующему „духу“ времени, привычнымъ взглядамъ и установившимся обычаямъ. Этотъ

¹⁾ Къ моей учено-литературной автобіографіи Бог. Вѣстн Іюнь, 1907 стр. 420.

порядокъ, мало чѣмъ отличавшійся отъ средневѣковой инквизиціи и папскихъ индексовъ запрещенныхъ книгъ нашего времени не только доставлялъ минуты значительнаго огорченія для профессоровъ, но и создавалъ цѣлыя драматическія сцены. Молодость готова на жертву, не хочетъ уступить ни въ одной идеѣ, ни въ одномъ выводѣ, какъ бы тамъ ни взглянули сверху... Но умудренный житейскимъ опытомъ профессоръ всячески уговариваетъ своего магистранта сгладить рѣзкость выводовъ, передѣлать цѣлыя страницы... и только рѣшительная угроза отказать въ искомой степени полагала конецъ упорству кандидата. Мнѣ лично самому пришлось пережить подобныя страданія; свое магистерское сочиненіе я долженъ былъ самъ читать ему, такъ какъ и тогда уже онъ по временамъ чувствовалъ припадки глазной болѣзни. Но это, не смотря на скучность и спеціальность содержанія, доставляло мнѣ лишь умственное наслажденіе, такъ какъ чуть не ежеминутно сопровождалось серіозными замѣчаніями со стороны А. П., а иногда и продолжительными спорами. Мнѣ пришлось пожертвовать отдѣломъ, гдѣ я доказывалъ принадлежность Аполлинарію Лаодикійскому нѣкоторыхъ изреченій, приведенныхъ на III вс. соборѣ въ качествѣ свидѣтельствъ св. отцовъ, вновь открытыхъ мною; но въ этомъ не было бы большой бѣды, такъ какъ вопросъ касался очень мелкой спеціальности. Важнѣе то, что онъ распорядился доказать мнѣ неподлинность переписки Аполлинарія съ Василиемъ Великимъ, въ исторической достовѣрности которой онъ самъ былъ увѣренъ; подлинно, „онъ долженъ былъ чувствовать въ эти минуты то, что чувствовалъ бы вегетаріанецъ, если бы его принудили собственноручно зарѣзать курицу ¹⁾“ Подобныя сцены происходили не только со мной. Проф. Н. Н. Глубоковскій въ своей превосходной брошюрѣ, посвященной памяти А. П., намекая, очевидно, на процессъ составленія своей магистерской диссертациі, замѣчаетъ: „невозможно приблизительно исчислить сколько хлопотъ и заботъ выпадало на долю профессора, которому одинаково приходилось считаться и съ молодою неопытною и съ юношескою дерзновенностью,

1) Собственное выраженіе А. П. См. Бог. Вѣстн. 1907, май, стр 162. И тѣмъ не менѣе сочиненіе удостоено было степени магистра богословія, лишь благодаря случайнымъ благопріятнымъ для меня вліяніямъ

причемъ первая способна невольно истощить великое терпѣніе, а вторая съ полемическимъ задоромъ вела препирательства и наступленія ¹⁾“. Эти не для чего ненужныя, но въ тоже время самыя тяжелыя страданія, и при томъ въ наиболѣе интимной области жизни человѣческаго духа,—въ области исканія истины,—прекратились съ дарованіемъ т. н. автономіи, и жалко и печально становится за будущую судьбу нашей богословской науки, если они по всѣмъ видимостямъ, хотя и безъ всякихъ основательныхъ поводовъ, готовы опять возстановиться...

Профессорская дѣятельность А. П. въ нашей Академіи ознаменовалась не только подъемомъ внутри ея церковно-историческихъ завѣтъ: ея вліяніе шло дальше предѣловъ Россіи и сказалось въ западной церковно-исторической наукѣ. Только при немъ, благодаря трудамъ его самого и его учениковъ, впервые прорвана была брешь, раздѣлявшая русскую науку отъ западно-европейской, и сочиненія русскихъ ученыхъ по церковной исторіи начали мало-по-малу обращать на себя вниманіе на западѣ, гдѣ имъ скоро стали отдѣлять почетное мѣсто въ общей исторіи развитія церковно-исторической науки. Уже докторская диссертация самого А. П. отмѣчена была на западѣ, какъ явленіе, заслуживающее почетнаго мѣста въ исторіи русской науки. Магистерская диссертация проф. Н. Н. Глубоковского вызвала прямо восторженный отзывъ проф. Гарнака и поставлена на одинъ уровень съ такими крупными явленіями западно-европейской патристической литературы, какъ сочиненія извѣстнаго Ляйтфута ²⁾. Русскіе церковно-историческіе труды по своимъ научнымъ достоинствамъ и по отсутствію тенденціозности признаны превышающими произведенія католическихъ ученыхъ ³⁾, и центромъ этого церковно историческаго успѣха русской науки поставлена Московская духовная Академія. Вотъ замѣчательныя и достойныя слова авторитетнѣйшаго ученаго нашего времени, упомянутаго уже А. Гарнака, проф. Берлинскаго университета: „въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ церковно-историческая наука въ весьма значи-

1) Проф. Н. Н. Глубоковскій, цвт. соч. стр. 23 Утверждать это дають намъ право нѣкоторыя личныя сообщенія А. П. по этому вопросу.

2) Theol. Lit.—Zeit. 1890. № 20

3) Theol. Lit.—Zeit. 1889 № 26

гельной степени обогатилась работами русских ученых. Эти работы, конечно, не многочисленны: по части древней церковной истории въ годъ появляется по одному болѣе или менѣе значительному сочиненію. Но за то они почти все отличаются похвальнымъ усердіемъ къ дѣлу и удивительной полнотой, какъ въ изученіи источниковъ, такъ и въ знакомствѣ съ литературой. Сочиненія эти большею частью выходятъ изъ подъ пера бывшихъ питомцевъ Московской духовной Академіи и позволяютъ составить самое лестное сужденіе о серьезности и рвеніи, съ какимъ воздѣлывается здѣсь церковно-историческая наука“. Въмѣстѣ съ тѣмъ послышались на Западѣ и рѣчи о существованіи цѣлой церковно-исторической школы при Московской духовной Академіи, посвящающей свои труды изученію церковной древности ¹⁾. Таковъ былъ самый главный, можно сказать, обще-европейскій результатъ дѣятельности А. П., какъ ученаго и профессора. Наполнивъ,—что мы уже видѣли,—своими собственными трудами пустоту, существовавшую у насъ ранѣе, давъ полную картину церковной жизни за 19 вѣковъ ея истории и подаривъ въ лицѣ своихъ учениковъ рядъ цѣнныхъ специальныхъ изслѣдованій, онъ не только поднялъ русскую науку на надлежащую высоту, но и привлекъ къ ней вниманіе ученаго Запада, сдѣлавъ ее обще-европейскимъ явленіемъ. Русская церковно-историческая наука вошла при немъ въ семью западныхъ церковно-историческихъ наукъ и заняла здѣсь до нѣкоторой степени равноправное мѣсто ²⁾. И если ему нельзя приписывать основанія церковно-исторической школы въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ употребляется на западѣ, то во всякомъ случаѣ то научно-критическое направленіе русской церковно-исторической жизни, которое продолжаетъ существовать въ ней и доселѣ ³⁾, своимъ возникновеніемъ и упроченіемъ обязано ему.

1) Изъ отзыва о сочиненіи проф. Н. Н. Глубоковского

2) См. напр. Real. Encycl. Herzog. Nauck 3 Aufl. съ цитатами на сочиненія Н. Глубоковского (о Феодоритѣ Кирскомъ), Доброклонскаго (о Фаундѣ Германскомъ), А. Спасскаго (Аполлинарій Лаодикійскій).

3) Въ послѣднее время у него, повидимому, возникли сомнѣнія на счетъ прочности научнаго преданія, оставленнаго имъ Москов. дух. Академіи (ср. Бог. Вѣстн 1907, Май, стр. 150). Но факты свидѣтельствуютъ иное. Такъ сочиненіе И. Троицкаго „Обозрѣніе источниковъ начальной

Всецѣло отдавая свое время и силы занятіямъ по церковной исторіи, посвящая имъ по 15 часовъ въ сутки, А. П. Лебедевъ никогда не былъ замкнутой въ себѣ натурой, не хотѣвшей ничего знать и ни о чемъ говорить, кромѣ своей специальности. Напротивъ, это была чрезвычайно общительная личность, усвоившая себѣ всѣ культурныя привычки нашего времени. Политическая и общественная жизнь, свѣтская и духовная литература, искусство и театръ—все это глубоко отражалось въ его воспріимчивой природѣ и вызывало свой отзвукъ въ его самобытномъ и оригинальномъ умѣ. Постоянный читатель газетъ и журналовъ, онъ отмѣчалъ каждое характерное и обращающее на себя вниманіе объявленіе и умѣлъ оцѣнить его всегда со своей, крайне своеобразной точки зрѣнія, и потому ни съ кѣмъ не было такъ пріятно поговорить или просто выслушать сужденія, какъ съ нимъ и у него. Поставленный волей судьбы въ положеніе одиночества, онъ любилъ общество, нуждался въ обмѣнѣ мыслей и дорожилъ каждымъ свободнымъ часомъ и вечеромъ, чтобы подѣлиться своими впечатлѣніями и наблюденіями съ первымъ встрѣчнымъ лицомъ. Въ разговорѣ онъ былъ неутомимъ; всегда начиналъ первымъ и кончалъ послѣднимъ, и его бесѣды вращались не около мелочей и сплетенъ жизни, а въ области высшихъ вопросовъ и, потому, имѣли культурный и развивающій характеръ. Въ академическомъ обществѣ онъ всегда былъ желаннымъ гостемъ, умѣлъ поднять и поддержать умный разговоръ, и его высокая, солидная и довольно тучная фигура съ рѣзко звучащимъ голосомъ ставила его всегда въ центрѣ общества. Это былъ одинъ изъ самыхъ неуступчивыхъ людей, которыхъ ничѣмъ нельзя было заставить замолчать или прижать къ стѣнѣ. Никто не отличался такою способностью по всякому подходящему поводу сказать мѣткую остроту или привести удачное сравненіе, вызывавшее у слушателей всеобщій восторгъ

исторіи египетскаго монашества (С. П. 1907)“ рецензировано въ *Vuz Zeitschr.* 1908, ss 186. 187, какъ значительный вкладъ въ изученіе этого спорнаго вопроса, и одно изъ крупныхъ изслѣдованій по изученію важнѣйшаго вопроса изъ исторіи древней церкви по своимъ научнымъ достоинствамъ признано „ни въ чемъ не уступающимъ подобнымъ же сочиненіямъ, появляющимся на Западѣ“. Это, конечно, лучшая похвала какая можетъ быть высказана устами ученаго нѣмца.

или смѣхъ, но и никто не могъ такъ осмѣять и изничтожить своего противника, какъ онъ. Нѣкоторые изъ его остротъ, отличавшихся тонкостью мысли, доходили до студенческихъ ушей, передавались здѣсь изъ устъ въ уста и увеличивали его популярность. Но онъ никогда не спускался до житейскихъ пошлостей и балагурства, всегда держалъ себя джельтменомъ и питалъ претензію даже на изящество. И въ своей личной жизни онъ не былъ аскетомъ; комфортъ любилъ онъ, комфортъ окружалъ его дома и сопровождалъ въ тѣхъ частыхъ путешествіяхъ, какія онъ предпринималъ въ лѣтнія каникулы. Онъ былъ и оставался всегда общественнымъ человѣкомъ, умѣлъ цѣнить блага внѣшней культуры, свободно пользовался ими и могъ вполне приложить къ себѣ извѣстное изреченіе Теренція: homo sum et nihil humanum a me alienum puto.

А. Спасскій.
